

Н. Ю. Букарева**Изучение литературы русского зарубежья в процессе повышения квалификации учителей-словесников Украины и России****N. Yu. Bukareva****The study of Russian literature abroad during professional development of teachers-language and literature of Ukraine and Russia**

На сегодняшний день в литературоведении вопрос, считать литературу русского зарубежья явлением самостоятельным, изолированным от литературы метрополии, или рассматривать их во взаимной связи, как две составляющих национальной литературы XX в. («одна или две русских литературы?»), является решенным и не вызывающим разночтений. Исследователи русского зарубежья сходятся во мнении о том, что при всей очевидной разнице идеологических принципов, эстетических установок, стилевых исканий русское зарубежье – важнейшая часть единой художественной системы, следовательно, без рассмотрения литературы эмиграции говорить о целостности осмысления литературного процесса XX в. невозможно. Именно из этой позиции исходили мы, разрабатывая курс по литературе русского зарубежья в рамках занятий с учителями-словесниками. Важность этого курса видится еще и в том, что в школьном изучении данная тема, если и присутствует в рамках программы, то занимает лишь обзорный урок. Кроме того, и сами педагоги в случае окончания учебного заведения довольно давно с литературой русского зарубежья знакомы мало, их осведомленность исчерпывается лишь «хрестоматийными» именами (И. А. Бунин, М. И. Цветаева, И. Шмелев), объяснением чему является тот факт, что и в вузовское изучение словесности курс эмигрантской литературы вошел не так давно, следовательно, педагоги, получавшие образование еще лет десять назад, практически не знают всей картины литературы русского зарубежья. Эти два момента и определили концепцию занятий: сделать обзор развития литературы русской эмиграции трех волн и рассмотреть основные

аспекты взаимодействия литературы зарубежья и литературы метрополии.

При обзорном изучении трех волн эмиграции акценты были сделаны на разных моментах, и степень подробности рассмотрения творчества того или иного писателя также была различной, мотивированной, в первую очередь, интересами участников курсов. Исходя из этого в обзоре первой волны больше внимания было уделено стилевым исканиям прозаиков младшего поколения (в первую очередь, Г. Газданова, чье имя почти неизвестно в учительской среде), с их явным отказом от «бунинско-шмелевско-купринской традиции реализма» [1, с. 12].

Важным было рассмотрение жанровых исканий писателей первой волны эмиграции, так как они позволяют наблюдать ряд схожих тенденций в жанровых поисках прозаиков метрополии и эмиграции. Это можно показать, в первую очередь, на примере развития исторического романа: в этот период (20–30-е гг.) к нему обращаются М. Алданов («Святая Елена, маленький остров» (1921), «Девятое термидора» (1921–1922), «Чертов мост» (1924–1925), «Заговор» (1926–1927)), И. Наживин «Распутин» (1923), М. Цетлин «Декабристы: Судьба одного поколения» (1933) – писатели-эмигранты, А. Веселый («Гуляй Волга» (1932), А. Толстой («Петр Первый» (1929–1945)), В. Ян (повесть «Финикийский корабль» (1931), роман «Спартак» (1933), трилогия «Нашествие монголов» (первая часть – «Чингиз-хан» (1939), вторая – «Батый» (1942)), – советские писатели. Интерес к истории можно объяснить стремлением прозаиков поставить вопросы закономерности исторического процесса, роли личности в истории, соотношения частной жизни человека и ис-

торического фатума – те проблемы, которые в равной мере интересовали и тех, кто покинул Советскую Россию и пытался понять корень исторической трагедии, и тех, кто в ней остался и доказывал неизбежность ломки старых порядков.

Попытка ответить на эти вопросы привела к осмыслению в литературе метрополии и эмиграции темы революции. Диаметрально противоположное решение одной темы демонстрирует разность идеологических установок двух литератур. Если писатели-эмигранты показывают революцию как безусловную гибель России, ее традиций, культуры, часто изображают трагедию интеллигенции, осмысляющей крах идеалов, не находящей себя в новом мире (М. Алданов «Ключ», «Бегство»; И. Шмелев «Солнце мертвых»; А. Ремизов «Взвихренная Русь»; Р. Гуль «Ледяной поход» и др.), то писатели советские изображают ее как начало новой справедливой жизни народа, как героическую победу новых идеалов (А. Фадеев «Разгром», А. Серафимович «Железный поток», А. Островский «Как закалялась сталь» и др.).

Анализ произведений следующей волны эмиграции позволяет показать литературу второй половины XX в. как единую эстетическую систему, в поле освоения которой находятся схожие темы и проблематика: тема Великой Отечественной войны и тема репрессий, в первую очередь. В то же время сопоставительный анализ произведений, созданных писателями зарубежья и метрополии, со всей очевидностью демонстрирует разность осмысления одних и тех же вопросов, которая объясняется и кардинальным отличием политических режимов, влияющих на авторов, и противоположностью мировоззренческих установок.

Роман Л. Ржевского «Между двух звезд» (1953) – репрезентативное для литературы второй волны произведение, на примере которого можно проследить особенности раскрытия темы войны писателями-эмигрантами. Если в советской литературе этого периода акцент делается на идее патриотизма, война показана как событие героическое, то у Ржевского война – событие исключительно трагическое. Вместо героики подвига он раскрывает тему плена – тему, которая для советской литературы этого периода оставалась запретной (в литературе метрополии она появится позднее: в рассказе М. Шолохова «Судьба человека» (1956), романе В. Семина «Нагрудный знак ОСТ» (1976)). Он показывает трагедию тысяч людей, попавших в плен, любящих Родину, но делающих сложный, мучитель-

ный для себя выбор – не вернуться домой из-за опасения быть расстрелянными или причисленными к списку изменников, предателей, шпионов, а остаться в чужой стране. По-иному в произведении эмигранта изображены образы немцев: советская литература этого периода показывает их исключительно негативно, схематично, у Ржевского образы немцев психологизированы, лишены однозначности в авторской оценке (усложнение образа врага в литературе метрополии начнется много позднее, например, в повестях В. Кондратьева «Сашка» (1979), В. Астафьева «Веселый солдат» (1998)).

В решении темы сталинских репрессий крайне показательным для литературы второй волны является роман Н. Нарокова «Мнимые величины» (1952). Автор детально показывает разные методы пыток и допросов, вынесение приговоров по ложным доносам, атмосферу страха, подавляющего психику человека, заставляющего его клеветать на родных, спасая себя. Самое страшное, к чему приводит система тотального подчинения, – утрата границы между ложью и правдой: люди, даже зная, что вокруг сплошная ложь, начинают верить в нее, как в правду. Эта идея звучит в эпиграфе к роману: «– Правда ли, что мнимая величина, то есть $\sqrt{1}$, реально не существует? – Безусловно... – Однако, возведенная в квадрат, то есть помноженная сама на себя, она становится минус единицей: вполне действительной величиной! <...> для своего превращения в действительную мнимая не требует никаких дополнительных величин. Она в самой себе таит загадочную способность превратиться в действительную величину» [7, с. 3]. По сути, Нароков таким образом утверждает мысль о том, что все существование советского государства, с первой минуты его возникновения, – это фикция, это «мнимая величина», которой в действительности нет, как нет и тех идеалов, которые оно проповедует. Но парадокс всей истории нашей страны заключается в том, что люди не хотят видеть то, что их окружает в реальности, а утверждают заведомую ложь. Так, социальные процессы подчиняют психику и психологию человека. И это подчинение, по Нарокову, более страшное, чем физическое уничтожение. Одна из особенностей романа – апелляция автора к традициям русской классической литературы, в первую очередь, Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание»). Параллели с романом классика очевидны на уровне сюжетных ходов (два схожих по функциям эпизода – восприятие Раскольниковым

притчи о Лазаре и чтение главным героем романа Нарокова Любкиным притчи о соли земли), на уровне системы персонажей (Евлалія – Соня, Любкин – Раскольников), концепции наказания (муки совести – истинное наказание для преступника), использования мотива двойничества, христианских мотивов.

«Лагерная» тема в литературе русского зарубежья рассматривалась на примере творчества Сергея Максимова (сборник рассказов «Тайга» (1952)). Эта тема в литературе метрополии появится позднее – в повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (дата создания – 1959, публикация – 1962), в «Колымских рассказах» В. Шаламова (дата создания – 1954–1973; публикация – 1988–1990). Общим в произведениях трех авторов является биографическая основа – все они прошли сталинские лагеря. Писателей интересуют не столько вопросы физического выживания человека в страшных условиях, сколько проблема нравственного характера: может ли человек в лагерных условиях сохранить в себе человека? Сопоставление данных произведений приводит к выводу, что концепция Максимова ближе к тем идеям, которые доказывает Шаламов. Если Солженицын утверждает, что в лагерных условиях можно сохранить свои нравственные принципы, не опуститься морально, остаться верным себе, то Шаламов и Максимов, скорее, утверждают противоположное: система побеждает человека, уничтожая в нем личность, и только единицам удается не сломаться нравственно. Поэтому общая тональность сборников этих авторов трагическая.

Отметим, что именно вторая волна эмиграции вызвала наибольший интерес на курсах повышения квалификации, так как имя ни одного из авторов, к ней относящихся, не было известно никому из слушателей. Это вполне объяснимо: данная составляющая русского зарубежья является наименее исследованной, произведения большинства прозаиков до сих пор не опубликованы и доступны для чтения только в эмигрантской печати.

Третью волну эмиграции отличает сохранение связи с литературным процессом метрополии. «Можно обнаружить сходство проблематики в произведениях А. Солженицына, Г. Владимова и В. Гроссмана, В. Астафьева, В. Некрасова и Ю. Казакова, общее в художественных исканиях Ю. Мамлеева и В. Маканина, В. Аксенова, В. Войновича и А. Кабакова, Т. Толстой, А. Кима; так, русские классики (Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов) и их творчество становятся предме-

том художественного осмысления Ф. Горенштейна, В. Максимова, Абрама Терца и А. Битова, В. Распутина, С. Залыгина и т. д. Ключевыми и для эмиграции, и для российской литературы 1970–1990-х являются, с одной стороны, слова «литература», «вечность», «завершенность» образа, «игра», «язык», а с другой – «жизнь», «настоящее», «открытость» образа, «подлинность», «реальность», «косноязычие», «немота» [6, с. 444–445].

В литературе третьей волны выделяют, как правило, две основные линии стилевых поисков (два направления): «традиционный реализм» и «гротеск и абсурд» [6, с. 445], постмодернизм. Реалистические традиции продолжают (и обновляют) в своем творчестве А. И. Солженицын, Г. Владимов, В. Некрасов, В. Максимов, Ф. Горенштейн, постмодернистские искания характерны для прозы Ю. Мамлеева, Юза Алешковского, А. Терца (А. Синявского), Саши Соколова. Подобные поиски очевидны и в прозе метрополии второй половины XX в. Есть, однако, и принципиальные отличия литературы третьей волны эмиграции и литературы российской. Касаются они, в частности, жанровой системы. «Именно в эмигрантской среде появляется жанровая разновидность так называемого «романа отъезда». Это, например, «Лифт» Милославского, «Вольный стрелок» Юрьенена, «Меня убил скотина Пелл» А. Гладилина, «В поисках грустного бэби» В. Аксенова, в которых иначе звучит тема родины, памяти, судьбы изгнанника. В эмигрантской литературе отталкивание от политико-идеологических догм и эстетических стереотипов советской литературы <...> было более осознанным; проза русского зарубежья в большей степени испытывала влияние западного культурного контекста. Отсюда <...> интенсивный поиск новых художественных решений [6, с. 445].

Целостность осмысления литературного процесса XX в. невозможна без понимания особенностей развития эмигрантской литературы всех трех волн. В современном литературоведении появляется большое количество публикаций, защищается множество диссертаций, связанных с тем или иным аспектом анализа литературы зарубежья. Полагаем, что в рамках повышения квалификации педагогов-словесников России и Украины этот курс важен именно с точки зрения возможности обозначить общие закономерности развития литературы эмиграции и метрополии, познакомиться с новыми концепциями их изучения.

Библиографический список

1. Агеносов, В. В. Литература русского зарубежья (1918–1996) [Текст] / В. В. Агеносов. – М.: Terra. Спорт, 1998.
2. Бабичева, М. Е. Писатели второй волны русской эмиграции [Текст] / М. Е. Бабичева. – М.: Пашков дом, 2005.
3. Глэд, Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье [Текст] / Дж. Глэд. – М., 1991.
4. Казак, В. Лексикон русской литературы XX века [Текст] / В. Казак. – М., 1996.
5. Ланин, Б. А. Проза русской эмиграции (Третья волна) [Текст] : пособие для преподавания литературы / Б. Ланин. – М., 1997.
6. Литература русского зарубежья (1920–1990) [Текст] : учеб. пособие / под общ. ред. А. И. Смирновой. – М.: Флинта : Наука, 2006.
7. Нарок, Н. Мнимые величины [Текст] / Н. Нарок. – М.: Художественная литература, 1990.
8. Струве, Г. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы [Текст] / Г. Струве. – 3-е изд., доп. – Париж; М., 1996.

Bibliograficheskiy spisok

1. Agenosov, V. V. Literatura russkogo zarubezh'ja (1918–1996) [Tekst] / V. V. Agenosov. – M.: Terra. Sport, 1998.
2. Babicheva, M. E. Pisateli vtoroj volny russkoj jemi-gracii [Tekst] / M. E. Babicheva. – M.: Pashkov dom, 2005.
3. Gljed, Dzh. Besedy v izgnanii: Russkoe literaturnoe zarubezh'e [Tekst] / Dzh. Gljed. – M., 1991.
4. Kazak, V. Leksikon russkoj literatury XX veka [Tekst] / V. Kazak. – M., 1996.
5. Lanin, B. A. Proza russkoj jemigracii (Tret'ja volna) [Tekst] : posobie dlja prepodavanija literatury / B. Lanin. – M., 1997.
6. Literatura russkogo zarubezh'ja (1920–1990) [Tekst] : ucheb. posobie / pod obshh. red. A. I. Smirnoj. – M.: Flinta : Nauka, 2006.
7. Narokov, N. Mnimye velichiny [Tekst] / N. Narokov. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1990.
8. Struve, G. Russkaja literatura v izgnanii: Opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoj literatury [Tekst] / G. Struve. – 3-e izd., dop. – Parizh; M., 1996.